

Глава 14. Сын Луны и небожитель (Часть 1)

Шэнь Цинхань, сжимая рукоять своего меча, последовал за безоружным Ин Сыинем во внутренний дворик. Хоу шел небрежно, заложив руки за спину, словно прогуливался по саду, а не направлялся на поединок.

Их разделяло персиковое дерево, за которым Сыинь обычно ухаживал с особым рвением. Стоило налететь легкому ветерку, как воздух наполнялся едва уловимым сладковатым ароматом.

— Я буду стоять здесь, — Ин Сыинь остановился, приняв величественную позу. — Если я сдвинусь хоть на полшага, считай, что я проиграл.

Его тон, полный снисходительности, вызывал лишь раздражение.

Шэнь Цинхань молча вскинул меч. Лезвие с едва слышным звоном покинуло ножны, и от одного лишь высвобожденного намерения меча лепестки персика дождем осыпались на землю.

— Эй, драться — дерись, но дерево моё не трогай, — хоу усмехнулся и сделал приглашающий жест. — Прошу.

Цинхань прекрасно понимал: шансов на победу у него нет. Но сейчас ему было жизненно необходимо узнать, насколько глубока пропасть между ними. Что толку в титуле одного из трех сильнейших мастеров среди молодого поколения Куньлуня, если после десяти лет тренировок он не может даже коснуться края чужих одежд? Ведь Ин Сыиню стоило лишь выйти в большой мир, как он тут же объявил себя первым под небесами.

Первый выпад. Клинок Цинханя мгновенно затянуло инеем. Юноша легко подпрыгнул, нанося удар; сотни ледяных игл, порожденных энергией ци, сорвались с лезвия и устремились к лицу противника. Сыинь лишь улыбнулся. Он не сделал ни единого движения, но в трех метрах от него ледяные снаряды замерли, а в следующее мгновение рассыпались в пыль, превратившись в холодный туман.

Второй выпад. Шэнь Цинхань описал мечом изящную дугу, выпуская струю ледяного воздуха. На этот раз иголок было меньше, но удар нес в себе сокрушительную мощь. Воздух пронзительно свистнул, когда лезвие устремилось вперед. Ин Сыинь вновь усмехнулся и небрежно взмахнул рукой. Поток ци, не долетев до цели, внезапно отрикошетил и с удвоенной силой ударил по самому Цинханю.

Тот попытался заблокировать собственный удар, но инерция была слишком велика. Равновесие было потеряно, и юношу отшвырнуло назад.

Он рухнул на землю, стиснув зубы от боли, однако алая полоска крови всё же проступила у

него на губах.

Третий выпад. Едва Шэнь Цинхань попытался призвать внутреннюю энергию, как тело пронзила острая судорога. Кое-как поднявшись на ноги, он, покачиваясь, прижал ладонь к груди. С мечом в руке он медленно, шаг за шагом, направился к Ин Сыиню. Раненый, бледный и тонкий, с пятнами крови на губах, он казался сейчас существом неземным, отрешенным от мирской суеты. Подойдя вплотную, Цинхань бессильно толкнул хоу в плечо.

Это был не удар — лишь слабое касание, лишенное всякой силы. Словно он не атаковал врага, а искал опоры.

Ин Сыинь даже не шелохнулся. Он перехватил руку юноши, и неуклюжий толчок мгновенно превратился в вынужденное объятие.

Талия Шэнь Цинханя была на удивление тонкой; несмотря на годы тренировок, его тело не шло ни в какое сравнение с крепким сложением хоу. Мягкий и хрупкий — настоящий небожитель, спустившийся в лунном свете.

Казалось, в этот момент в душе Цинханя что-то окончательно надломилось. Он бессильно опустил голову на плечо Сыиня и едва слышно прошептал:

— Научи меня.

— Хорошо.

— Я убью тебя.

— Как пожелаешь.

Если и существовал на свете человек, способный так безумно вести любовную игру, то Ин Сыинь определенно был его воплощением.

Он подхватил Шэнь Цинханя на руки. С каждым шагом по пути к спальне пламя желания в его жилах разгоралось всё сильнее, грозя испепелить рассудок.

— Будет больно — говори, — прошептал он, опуская ношу на постель.

Цинхань внезапно перестал понимать, что происходит. Голос Сыиня звучал над самым ухом — нежный, полный сострадания, смешанного с нескрываемым вожделением и какой-то двусмысленной, почти пугающей заботой.

Пожар в поместье Шэнь десять лет назад... Красные занавеси свадебного паланкина... Смех, который заставлял Цинханя просыпаться в холодном поту долгие годы... Имя, при упоминании которого вскипала ненависть... Как случилось, что, прекрасно зная правду, они оказались в одной постели, вопреки всякому здравому смыслу?

Ин Сыинь — безумец.

И Шэнь Цинхань, кажется, тоже сошел с ума.

Когда хоу коснулся его лица, стирая невольно набежавшие слезы, он замер.

— О чем плачешь? — спросил Сыинь.

— Больно...

— Тогда я буду нежнее.

Два безумца. Один обезумел ради Ин Сыиня. Другой — ради Шэнь Цинханя.

— Уже полдень пробил, а хоу всё еще не изволит трапезничать? — Гу Цзэсяо, похлопывая себя по животу, ворвался во двор Ин Сыиня.

В поместье хоу Цзибэй существовало негласное правило: пока хозяин не притронется к палочкам, никто не смеет садиться за стол. Завтрак они уже пропустили, и вот солнце в зените, а Ин Сыинь всё не встает.

Цзэсяо не слишком жаловал церемонии; он рос под боком у хоу и привык вести себя с ним запросто, прекрасно зная границы дозволенного. Подойдя к дверям, он уже потянул руку к ручке, но подоспевший слуга перегородил ему путь:

— Молодой господин, нельзя! Нельзя открывать!

— Это еще почему? — Цзэсяо подозрительно прищурился.

— Молодой господин Шэнь там, внутри. Хоу его утешает.

— Утешает? С чего бы это? Слушай, я заходил к хоу в спальню, когда он с другими кувыркался, чего ты так разнервничался? Он не из тех, кто печется о приличиях. Расслабься, — Цзэсяо снова попытался толкнуть дверь.

— Молодой господин, Шэнь Цинхань — это совсем другое дело! Не входите, я же ради вашего блага стараюсь. Хоу сам его побаивается... Да мы с утра и носа туда сунуть не смели! — Слуга отчаянно пытался урезонить юношу.

— Да что там стряслось-то? Сыинь кого-то утешает? Ты с ума сошел?

— Кажется, молодой господин Шэнь не в духе. Утром хоу принес ему воды, но она, видимо, была слишком горячей. Шэнь Цинхань только взял чашку, как тут же швырнул её. И надо же — угодил прямо хоу по ноге.

— Ударил хоу по ноге? — вытаращился Цзэсяо. Слуга тут же зажал ему рот ладонью.

— Тише, молодой господин!

Цзэсяо закивал, и его отпустили.

— Он запустил в хоу чашкой? Проклятье, что-то этот Шэнь Цинхань долго не подает признаков жизни... Неужели Сыинь его... — Цзэсяо провел ребром ладони по горлу.

— Да нет же, хоу только рад.

— Рад?

— Именно. Судя по его лицу, он был бы не прочь, чтобы в него швырнули еще чем-нибудь.

—... — Цзэсяо на мгновение лишился дара речи. — Если ты мне врешь, клянусь, я тебя из пушки...

— Если не верите, сами несите этот чай, — слуга поспешно всучил Цзэсяо изящный чайник и добавил: — Только помните: господин Шэнь терпеть не может, когда врываются без спроса. Прежде чем войти, обязательно постучите.

Сказав это, слуга скрылся так быстро, словно за ним гнались демоны.

Гу Цзэсяо стоял с чайником в руках, чувствуя себя так, словно ему только что рассказали страшную сказку. «Бред какой-то. Мой хоу, легендарный Ин Сыинь, перед которым трепещет весь мир боевых искусств — и ради какого-то мужчины? Да быть не может», — он тряхнул головой и, послушно выждав, постучал.

— Хоу.

— Что такое? — голос Ин Сыиня звучал лениво и расслабленно.

— Воды принес.

— Заходи.

Цзэсяо вошел — и едва не выронил чайник от изумления.

Шэнь Цинхань сидел на постели в одной белой нижней рубаше. Из-под широкого ворота и рукавов виднелись алые отметины — недвусмысленные следы бурной ночи. Впрочем, звериные повадки хоу были Цзэсяо хорошо знакомы.

Поразило его другое.

Мужчина, которого он с малых лет считал своим кумиром, стоял на одном колене перед Цинханем. Одной рукой он бережно придерживал изящную ступню юноши, другой — сжимал туфлю... Он помогал ему обуться.

Сам же «небожитель» Шэнь Цинхань сидел с крайне недовольным видом. Стоило ему гневно взглянуть, как Цзэсяо тут же попятился и принялся собирать осколки внезапно лопнувшего в его сознании образа великого воина.

— Простите, напугал, должно быть, — пробормотал Цзэсяо, поспешно поднимая поднос. Хотя, честно говоря, при виде этих двоих «напуганным» чувствовал себя только он сам.

Белая рубаша на Шэнь Цинхане явно принадлежала хоу — она сидела слишком свободно. Остальная одежда юноши валялась на полу живописными клочьями — видимо, кто-то из слуг уже пытался их собрать, но так и не решился выбросить. Цзэсяо понял: они до сих пор не вышли из комнаты только потому, что Цинханю нечего было надеть.

— Хоу, — в дверь робко постучали. — Принесли три наряда из мастерской «Вышитая Зеленя», сшитых по меркам господина Шэня. Не желаете взглянуть?

— Неси сюда, — Ин Сыинь закончил возиться с обувью, поправил волосы Цинханя и только тогда сел рядом. — Выбирай, что нравится. Как оденешься, отвезу тебя на лучший ипподром в Цзибэй, посмотрим на скачки.

— Не хочу скачек, — отрезал Цинхань.

— Тогда... прогулка на лодке?

— Не хочу на лодку.

— Может, музыку послушаем?

— Не хочу.

— Посмотрим на танцовщиц?

Цинхань одарил его таким ледяным взглядом, что Сыинь тут же вскинул руки в жесте капитуляции:

— Ладно-ладно, не пойдем. Тогда, может, в Павильон Хранения Книг? Почитаем, попрактикуемся с мечом или кулаками.

Шэнь Цинхань перевел взор на наряды в руках служанок. Это можно было расценить как согласие на последнее предложение, но, присмотревшись к нарядам, он выплюнул единственное слово:

— Некрасиво.

— Как это — некрасиво? — не выдержал Гу Цзэсяо. — Это же лучшие ткани, в «Вышитой Зелени» одеваются императорские наложницы...

Поймав холодный взгляд хоу, он тут же осекся и сменил тон:

— В смысле... наложницы по сравнению с вами — серые мыши, они и мизинца вашего не стоят...

— Цинхань, по-моему, вот эти два — синее и лазурное — очень недурны, — Сыинь указал на расшитые шелком одежды.

Богатая отделка, изящные головные уборы — сразу видно, что наряд предназначен для сына знатного рода. Хоу не видел в этом ничего предосудительного, но Шэнь Цинханю такой стиль был явно не по душе.

— Убожество.

— Что именно тебе не нравится? Скажи, я прикажу всё переделать.

—...

Шэнь Цинхань и сам не мог толком объяснить. Просто всё это было... не то. Слишком вычурно, слишком тонко, слишком «по-столичному».

<http://bllate.org/book/17523/1657554>